

Контрольная работа: подготовка и способы проведения

Ганькина М.

В Санкт-Петербургском Агентстве образовательного сотрудничества готовится к печати книга Марии Ганькиной «Грамматическая аптечка», адресованная учителям-словесникам. Полезно с ней познакомиться педагогам начальной школы, родителям, бабушкам и дедушкам, всем, кто хочет помочь детям освоить грамматику родной речи. С разрешения автора мы публикуем одну из глав нового сочинения.

Диктанты бывают разные: контрольный, проверочный, обучающий, предупредительный, зрительный, слуховой, свободный(!), творческий(!), с заданием, с самопроверкой, с помощью ТСО(?)... Для маленьких же артистов кукольного театра все диктанты на одно лицо — Карабаса-Барабаса.

Мне показалась здоровой мысль «изувековечить» традиционный жанр диктанта-страшилки.

В поисках новых форм

В то время, о котором пойдёт речь, я переживала самую кульминацию возрастного модернизма. Ни от каких традиционных работ не отказывалась. Но творчески, так сказать, перерабатывала. Подчас до неузнаваемости. Ведь «деланье по-своему», «своё личное понимание» — непременно слагаемые поиска своего собственного стиля.

Мы по нашему вхождению в школу — из разных других профессий, да ещё в постсоветские-то времена — были заряжены (заражены?) инакомыслием. Переиначивали, перекраивали, перелопачивали всё и вся напропалую. Правда, в рамках так называемого социоигрового стиля, который нам тогда открылся, который нас открыл и которым мы были ошарашены и очарованы одновременно (сейчас, хоть он и завёл себе новое экзотическое имя — драмогерменевтика, мы понимаем, что он лежал и лежит в традиции; для нас он стал традицией, но продолжает открываться новыми гранями и глубинами). И по сию пору — при том, что душа повёрнута к традиции, к традиционному, — этот вирус «деланья по-своему» в крови. Нет, вирус — не то! Вирус — он извне, он и погибнуть может, тут же «деланье по-своему», «своё личное понимание» — в самой сути стиля, сама традиция предполагает выход на свой собственный стиль.

...Искали новых форм, и они становились содержанием. И простой зачёт, поход в музей, словарная работа или диктант оборачивались охотой за теми 133 зайцами, из которых десятков да поймаешь.

К тому времени у меня уже перебивало (в рамках репетиторства) достаточное количество учеников из других школ, чтобы понять, что приличные отметки за диктанты не имеют отношения к практической грамотности. Что это никакая не грамотность, а натасканность писать определённые тексты в определённых условиях.

А если любые тексты и в любых условиях? Это вроде и натасканностью не назовёшь. И потом, если «любые» и «в любых» напишут хотя бы членораздельно, то уж «определённые» и «в определённых» — и вовсе прилично. К тому ж взаправду прилично, а не потому что привыкли с полпинка понимать вольные или невольные (но уж, конечно, из самых благих побуждений) подсказки родной учительницы.

В тяжёлых погодных условиях

Я стала приглашать в свой пятый класс разных других учителей-предметников и просить их продиктовать тот или иной текст на полстранички (для начала — притчи Феликса Кривина, знакомого по клеёнчатой тетради) как можно более невыразительным голосом. Тут пары ко-стылей сразу мои дети лишились: мало того что к определённом диктору (манере) не успе-вали привыкнуть, так дикторы ещё и бубнят себе под нос.

Я, честно говоря, не помню, как они написали «знакомого» Кривина. Помню, что «не-знакомого» — ужасно. Может быть, я слишком усердно шелестела фольгой от шоколадки? Дело в том, что время от времени я давала детям возможность почувствовать себя уж совсем экстремалами — в меру своей изощрённости задавала суровый контекст. Они у меня и стоя диктант писали, и под музыку, и под моё хихиканье, завыванье и мельтешенье... Так что можно было проводить дидактическое исследование на тему «Как закалялась сталь».

Обычно после таких испытаний человека уже ничем не смутить.

«Серый Шейка, да?»

Однако ещё разок смутить пятиклассников у меня получилось.

Наш любимый учитель музыки Сергей Евгеньич, популярный в народе ещё и как непре-взойдённый рассказчик анекдотов (грузинских в особенности), был также однажды при-глашён к пятиклассникам на урок русского языка — диктовать диктант... с грузинским акцентом.

Накануне Сергей Евгеньич очень волновался — всё-таки первый раз в жизни диктовать!.. Для человека с инженерным образованием и трепетным (как и у всех у нас) от-ношением к контрольным и проверочным диктантам это была очень ответственная работа.

Начал он вдохновенно, прямо артистически (сразу видать, что репетировал): «Слющий, дарагой: пагода бил хароший, да?.. Толка ма-а-алинкий Серый Шейка...» — уж он и прицо-кивал, и причмокивал, и рукой перед носом махал...

Дети оторопели...

Я вот, жалко, подробностей опять не помню (надо бы Сергея Евгеньича порасспрашивать). Помню только, что писать начали не сразу — препирались. Выдвигали Сергею Евгеньичу свои требования: мол, рефрен «слуший, дарагой» вслух не произносить (в уме можно, так и быть) — прошло; в конце фразы не ставить вопрос «да?» — не прошло, Сергей Евгеньич сказал, что это выше его сил...

Помню, что то и дело раздавались отчаянные вопли: «Ну, Сергей Евгеньич, ну как по-нормальному?!» Сергей Евгеньич принимался с жаром объяснять, и тут уж даже я — а я всё ж таки когда-то пять лет в Грузии прожила! — так вот даже я переставала что-либо понимать...

Помните, как Шура Балаганов из «Золотого телёнка», уже имея в кармане свои сколько-то там тысяч рублей для счастья, был пойман с поличным на трамвайной краже? Помните, как он кричал: «Я машинально, Бендер, я машинально»? Вот то же самое кричали мои дети, когда работы с «грузинским акцентом» после проверки соседом по парте и моей проверки этой проверки вернулись к хозяевам.

Второй такой диктант прошёл уже гора-аздо менее драматично.

Мы ж не звери!

В какой-то момент по просьбе трудящихся было введено следующее правило: каждый имел право один раз во время работы (в какое — это он решал сам) подойти к исходному тексту,

который лежал на стуле в углу класса, и заглянуть в него. Но глядеть можно ровно столько, сколько... сыплется песок в песочных часах, которые он сам же и перевернул, подойдя к стулу. Не звери ж мы, взрослые, всё-таки!

Эта возможность подойти к тексту и какое-то время поглядеть в него стала потом традицией для многих письменных работ.

Помню, время бурно обсуждалось. Договорились про одну минуту. Но как её отследить? Если самому за секундной стрелкой наблюдать, то в текст смотреть некогда. Кое-кто набивался в «счётчики», но это ж 20 минут урока (по числу учеников) на циферблат только смотреть! Когда же работать?.. И тут взгляд Саши упал на песочные часы на моём столе.

Песок — он и есть песок. Сыплется две минуты. Без вариантов. «А давайте, кто хочет, два раза по минуте!» На том и остановились..

На изложениях, конечно, каждый использовал своё время полностью. Ну а на диктантках — подбежал, глянул, скорее понёсся назад, чтобы не расплескать.

Всё, кроме почерка

Ещё одна просьба трудящихся: чтобы диктанты почаще были «на дружбу». Что ж, это понятно: в суровых условиях лучше держаться вместе.

Исходный классический вариант «диктанта на дружбу» описан Вячеславом Букатовым («Один за всех и все за одного»//»Первое сентября», 2002. №26. У нас «на дружбу» означало, что в результате какой-то работы в группе из 4–5 человек «у всех в тетрадках всё должно быть одинаковое».

— И почерк?

— Кроме почерка, — сухо говорю я и, чтобы на корню пресечь торговлю на эту тему, сразу, без дальнейших объяснений, щёлкаю секундомером. — Время пошло!

Никто не спрашивает, какое время, на что время. С первого класса привыкли, что раз щелчок секундомера, то оно пошло и с каждой секундой его становится меньше. Значит, надо подобрать попы, собраться с мыслями и договориться друг с другом. А то дело не получится сделать хорошо...

— Смотрите, у Лёхи ошибка! Лёха, ты куда спешишь? Надо одновременно с нами!

— Придётся всем написать пЕрог, а потом исправить на И. Чур, зачёркивать слева направо снизу-вверх.

— Ребя, как пишется: прЕключение или прИключение?

— На каком слове перенос будем делать?..

— Ты что, так переносить нельзя, это ж не слог!

— Кать, что это у тебя за закорючка? Запятая? А здесь разве надо?..

— А что, у всех есть запятая? Да это же не сложное предложение, а однородные члены!

Так, все рисуем запятую и зачёркиваем.

Вот эти разговоры-договоры — они очень важны для них. Это и есть подлинное «учиться» (учить себя).

Оценивается работа тоже «за дружбу». По часовой стрелке (или против) команды переходят в соседнюю, сверяют работы соседей «на одинаковость», договариваются об отметке, расписываются и возвращаются к своим тетрадкам.

Минута (не больше!) — на обмен недоумениями между командами. Если разговор конструктивный, то он продолжится и на перемене.

Про фрюколбасиков и сникерсёнка

Дальше в лес — больше дров. Дети сами сочиняли диктанты на те или иные правила

орфографии, а потом по очереди сами же их и диктовали в классе. Понятно, что тетрадки проверял и отметки ставил не кто иной, как сам автор очередного диктанта.

Вот, например, одно из заданий на дом по русскому языку: сочинить историю длиной в 10 предложений, используя глаголы с чередованием бер/бир, мер/мир, тер/тир, лаг/лож и кас/кос. Почему именно глаголы? Действия подсказывают и саму историю, и её динамику.

Вот что получилось у Ксюши Л.:

ВИНЕГРЕТ.

Иду на рынок, отбираю свёклу (побольше, покрупнее). Иду обратно. Захожу домой и ставлю её вариться. Где-то часик необходимо покоситься на газ, а то произойдёт взрыв. Выключаю газ. Протираю стол перед готовкой. Ещё необходимо отложить горох, высыпать его в салатницу и потереть свёклу. Ах да, совсем забыла, необходимо отмерить салатницу, чтобы подходила для вашего кушанья. Потом всё это смешать.

Вот и получается простой винегрет!

Предложений — 10. Глаголов — 6. Но в инструкции их количество и не оговорено. Другое дело, что слово «покоситься» не могло вырасти на дереве с корнем кас/кос (касаться, коснуться ипр.). Оно с другим корнем — кос (косой, косить ипр.). И никакого чередования гласной в этом корне нету. А есть безударная гласная, которая к тому же проверяется ударением... Ага, вот они, мои нововведения, где всплыли! В учебнике традиционно — кас/косН! Некорректно: Н ведь кусок очень даже узнаваемого и продуктивного суффикса НУ (однократность действия) — вот я и лишила детей этой подсказки... Ладно. Спасибо, Ксюша, за ошибку — ты подарила нам возможность в этом месте копнуть поглубже. Завтра можно, например, предложить детишкам по эстафете побегать к доске и попририсовывать листочки-слова на оба дерева — и с корнем-кос, и с корнем кас/кос. А потом предложить поискать недоразумения — «огурцы на баобабе», как называли в классе слова, которые «не с этого дерева».

Вот, например, ещё один «огурец» из Ксюшиного диктанта — отмерить (мерка, замерять ипр.). Тут корень мер. Это слово не могло вырасти на дереве с корнем-мер/мир (замирать, умер ипр.). А ещё есть корень-мир (примирять, мириться ипр.). Вот так удача! Вот завтра с этими тремя корнями и покувыркаемся. А потом все три дерева появятся у каждого в личном «гербарии-корнярии» (см. «ПС» №... Напоминаем, что общедоступная подшивка газеты лежит в Интернете).

А вот что получилось у Веры Л.:

ЗАНЯТИЕ СНИКЕРСЁНКА.

На одной никому не известной планете Сникерс жил и живёт сейчас сникерсёнок (он сам себя так называет). Он живёт совсем один, не считая ста буряк, двухсот панафутиков, трёхсот фрюколбасиков и нескольких тысяч швюриков (они самые частые).

Он очень аккуратный. Весь день суматоха: он чистит, моет, всё время что-то убирает, обратно кладёт, протирает кратеры, потом подбеливает в них лаву. Уложит спать всех буряк, панафутиков, фрюколбасиков и швюриков (на что у него уходит шесть часов) и сам ложится спать.

Наутро начинается новая ссора: мол, какой-то там буряк выбросил любимые шортики швюрика в ближайшую лаву. Тут опять сникерсёнок всё быстренько наладит, шортики швюрика выловит, померяет и шутку какую-нибудь придумает, чтобы посмеяться немного.

Ой, пора еду готовить! Пойдёт сникерсёнок, покосит рожь, протрёт, гляди — и еда готова!

Вот что значит жить на Сникерсе: сплошная уборка, стирка и готовка!

Предложений — 10. Отлично! Вот только у Веры те же «огурцы» — покосит и померяет. Неспроста. Может, Ксюша с Верой посоветались? Так или иначе, а узкое, значит, это место. Тем более надо бы его раскрутить...

Очень я люблю всякие омо-: омофоны, омографы, омонимы, омоформы, — то, что и одинаковое, и разное. Вот омофоны примерять и примирять. Корни безударные, поэтому слышится одно и то же. Пишу их на доске и нумерую: 1, 2. Хорошо бы, чтоб ребята теперь в паре с соседом по парте предложения с одним из этих слов (с каким хотите) придумали, а

потом по очереди это предложение вместе произносили бы. С тем чтобы слушатели каждый раз опознавали, с каким словом то или иное предложение — с первым или со вторым...

Кто последний? Я за вами!

Следующий шаг — читка на «завалинке» (о ней см. в главе КАЛЛИГРАФИЯ) своего текста. С тем чтобы класс на слух мог определить, во-первых, есть ли в нём слова с нужными корнями, во-вторых, не зашкаливает ли количество предложений, в-третьих, членораздельно ли звучит текст.

Случалось, что автор «заваливался» — не мог и первое предложение дочитать до конца: либо написано «левой задней», либо так: «моя твоя не понимай». Что ж, жаль. Но раз сам себя прочитать не можешь, диктовать и подавно. Перепиши ещё раз, порепетируй, выходи на завалинку снова. Диктовать диктант классу было престижно, поэтому выходили. Со второй попытки текст обычно утверждался (да, голосованием: не мне же его писать — не мне и утверждать!) и «где-нибудь на следующей неделке» находилось время его продиктовать.

За пару недель должно было выйти диктантиков десять (не все претендовали: это ж надо выйти на определённую степень риска!), по 10–15 минут урока на каждый. (Я так увлеклась воспоминаниями, что стала, кажется, присочинять. Со временем любая история, как известно, мифологизируется. Да простят мне мои бывшие ученики вольные-невольные фантазии, гиперболы и мифологемы!)

Помню, что к рукодельным диктантикам все относились совершенно серьёзно. Новоиспечённый «учитель» деловито выходил к учительскому столу, приосанивался, прокашливался и начинал диктовку. Правда, остальным роль «почтительно ожидающих следующего предложения учеников» удавалась не всегда. «Ксюшка, медленней!» — прорывалось там и сям, своим исключением из правил их подтверждая.

К настоящей игре у детей — и младших, и старших — всегда очень серьёзное отношение. И взрослому, который предлагает игру, ничего не стоит обмануть детское доверие. Мне было достаточно, например, один раз взять судейство на себя, или разок самой проверить диктанты, или перепроверить авторскую проверку, или влезть в процесс диктовки со своими поправками, или продиктовать самой текст заболевшего Андрюшки, чтобы игра из подлинной стала поддавками, когда дети всего лишь подыгрывают раздухарившемуся учителю.

Чем заняться учителю, пока ученики заняты делом? Законный вопрос. Тоже делом, наверное. Если взрослому интересно и важно что-то понять про детей: про кого-то конкретно или про класс в целом, то у него есть уникальная возможность понаблюдать за тем, что происходит. Надо только справиться с одолевающим учителя педагогическим зудом и занять, по выражению В. Букатова, «светотеневую позицию».

Но вот Ксюша собрала тетрадки, и наступает самое приятное и ответственное. Дети в этом возрасте страсть как любят что-нибудь проверять. Особенно вместо домашнего задания.

Отметки я, конечно, выставляю в журнал. И я, и ребята — мы доверяем проверяльщикам. В классе налажена работа по группам, поэтому отношения между детьми дружественные и деловые, а значит, сведение счётов посредством отметок исключено.

...Чем это мы тут занимались? А за 133 зайцами гонялись.

Интересно, скольких поймаете вы.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАШИЛКИ

Записанные во время очередного «методобъединения словесников» за лепкой пельменей

«Спорим на «Мамбу»?»

Рассказывает Сергей Владимирович.

Две недели назад я говорю Денису:

- Спорим, диктант на 10 не напишешь?
- Спорим, — говорит, — напишу.
- На что спорим?
- На «Дядю Стёпу» (это конфета такая).
- По рукам!

А диктант на этот раз такой: заранее сообщаю каждому его номер по сборнику, дома ребята готовят текст и потом в классе под диктовку пишут.

Денис целую неделю готовился (учил наизусть, что ли?). Написал на 9.

Наш с Денисом спор реализовывался при большом стечении народа. Все стояли вокруг моего учительского стола и проверяли работу параллельно со мной. Все вместе нашли две ошибки. Вернее, это были даже не ошибки, а описки (типа вместо «е» — «ё»).

Короче, пошёл Денис за «Дядей Стёпой».

Тут опять подходит он ко мне на днях: какой у нас диктант следующий? Пospорили на «Мамбу»...

Мама Дениса на улице ко мне подходит:

— Ну что, написали диктант?

— Нет, у нас ещё урока не было.

Дети в курсе, мама в курсе. Целая, в общем, эпопея.

...После урока начали читать работу Дениса хором. Нашли ошибку — в словарном слове вместо «а» «о» написал. 9 баллов. У Дениса глаза на лоб: я не мог сделать эту ошибку!

Тут Никита подбегает: я тоже так хочу.

Я ему говорю:

— Но диктант-то уже написан! Поздно спорить!

— Нет, спорим!!! Вы ещё мою работу не проверяли!

Ну, хорошо, поспорили. Кладёт он свою тетрадь — исключительно грамотно написано. И вдруг вижу — перенос не по слогам. И ещё — вместо запятой точка стоит. Понятно, что это на самом деле запятая, но графически вышла точка.

Так что в этот день я заработал аж две «Мамбы».

Написали?

А теперь разорвите напополам

Рассказывает Вячеслав Михайлович.

На Соловейчиковских чтениях мы разговорились с одним словесником. И я стал ему объяснять, как пользоваться «Игровой неотложкой» (книжка такая есть у В. Букатова). Взял из списка игровых действий наугад глагол «рвать» и говорю: «Ну, что там у нас на русском самое скучное? Диктант?» А сам думаю: «Кто меня за язык тянет? Ведь глагол «рвать» тут явно не подходит!» — и тут же начинаю фонтанировать...

Вот продиктовали вы, положим, диктант. А теперь предложите ученикам порвать его на две части и сдать только одну. Пусть проверяют половину страницы! А учитель пусть проверяет вторую половину. Восстанавливает в уме оторванную часть, проверяет и ставит отметки...

Стоп! Лучше, если, обменявшись половинками диктанта, это будут делать сами ученики. Восстанавливать на свой страх и риск то, что было в той, оторванной части...

Восстанавливать вместе с ошибками! Ошибки ведь можно предугадать. Если, например, кто-то там где-то ошибся, значит, это его слабое место. И значит, есть вероятность, что в аналогичном месте он ошибётся ещё раз. Так?

И теперь какую бы ахинею ученики ни написали когда хозяину вернётся его работа, восстановленная вместе с предполагаемыми ошибками и описками и проверенная, — как вы думаете, достанет он свою оторванную половину? Начнёт читать? Трудно представить, что не начнёт! Вот тут-то и наступит самое интересное.

Угощение на засыпку

Рассказывает Мария Ивановна.

Есть такой знаменитый диктант, кочующий из поколения в поколение учителей, учеников и их родителей:

НА ДОЩАТОЙ ТЕРРАСЕ БЛИЗ КОНОПЛЯНИКА ИНДИФФЕРЕНТНАЯ ВЕСНУШЧАТАЯ ПАДЧЕРИЦА АГРИППИНА САВВИШНА ИСПОДТИШКА ПОТЧЕВАЛА ВИНЕГРЕТОМ С ВЕТЧИНОЙ, МОЛЛЮСКАМИ И ДРУГИМИ ЯСТВАМИ ПОД АККОМПАНеМЕНТ ВИОЛОНЧЕЛИ КОЛЛЕЖСКОГО АСЕССОРА АПОЛЛОНА ИППОЛИТОВИЧА.

Так вот, этот текст когда-то давно я писала дома на кухне. И диктовала мне его мама. Мама была учительница русского языка. А я была самонадеянная девятиклассница.

Я сделала тогда две ошибки: Ипполитовича с двумя «л» написала и конопляник — с двумя «н». Перестраховалась, отличница.

Я помню эти ошибки всю жизнь. Развеелся миф о моей «абсолютной» грамотности. Так и живу теперь — грамотная, но не абсолютно.

Совсем недавно, разбирая семейный архив, я наткнулась на этот мой диктантик. Усадила на кухне мужа и младшего сына и продиктовала им это мудрёное предложение. То-то был удивлён мой не менее, чем я когда-то, самоуверенный сын, когда наш папа перещеголял его — на одну ошибку меньше сделал. Теперь Никита даже иногда спрашивает у отца, как что пишется.

Кстати, недавно я занималась с ученицей и меня взяло сомнение насчёт слова «веснушчатая». Я полезла в словарь, и выяснилось, что я пишу это слово неправильно — через «ща». Выходит, в том, кухонном, диктанте я сделала не две, а целые три ошибки. Да-а-а... Как же я тогда проверяла диктанты мужа и сына?.. Судью на мыло!

Зачёт наизнанку

О том, как ещё, помимо традиционного способа, можно принимать обыкновенный зачёт

Помню, позвала я в свой шестой класс вести географию Вадима Фёдоровича — настоящего учёного, человека деликатного, в чьём арсенале не было ни способов организации урока, ни хорошо поставленного учительского голоса, ни отметок, ни учебников с обязательным домашним заданием. Ну и мои детки, очень Вадима Фёдоровича любя, периодически садились ему на шею. Рассказывал он замечательно интересно, но что из его монолога слышали дети? Меня это беспокоило.

Прошёл месяц. И я предлагаю Вадиму Фёдоровичу провести зачёт по тому объёму материала, что он им дал. С настоящей отметкой в журнал. Но (как я дошла до мысли такой?) зачёт будем сдавать мы — трое взрослых людей. Пусть дети нас научат, и какую отметку каждый из нас заработает у доски — такую и получит в журнал та группа, которая каждого из нас обучала.

Вадим Фёдорович опешил, но согласился. Он понял, что эта работа ему сулит: понять, что делается у каждого из его учеников в голове.

Вадим Фёдорович объявил детям, что на следующем уроке будет зачёт по всему, что он им рассказывал, а они якобы записывали в тетради. Никаких конкретных вопросов для подготовки. Приблизительный круг тем: галактика — Солнечная система, звезда — планета — спутники.

Фундаментальные вопросы

Вадим Фёдорович разделил моих шестиклассников на группы по пять-шесть человек сам. Но они даже не очень возмущались, хотя привыкли делиться случайным образом. Потом назначил каждой группе по одному из нас, не компетентных в данной конкретной области знаний. Этими некомпетентными были мы, учителя нашей школы: Сергей Евгеньич — учитель музыки, я — словесник, в прошлом учитель начальной школы (кстати, у этих самых шестиклашек), Ольга Петровна — у неё теперь свой второй класс, в прошлом учитель

английского (всё у тех же детей).

Вадим Фёдорович ещё раз обозначил круг вопросов, которые надо было до нас донести, разрешил пользоваться чем кому угодно, и группы разбежались по закуткам.

Мы сидели в «предбаннике». Те, у кого были тетради, наперебой меня обучали. Остальные были на побегушках: что-то посмотреть, сбежать за энциклопедией. Помню, что очень бойко отбарабанили, на каком расстоянии от Солнца что находится. А я гнула свою линию. Они: «Вот Солнце...» А я сразу: «А Солнце — это что? Планета или звезда?» И в таком духе. Элементарные же вопросы! Но фундаментальные. В них-то всё и упирается. Мне было важно обнаружить непонимание, а там уж пусть Вадим Фёдорович разбирается. С цифрами-то у них всё в порядке. А вот откуда что берётся...

Ольга Петровна:

— Мне развернули какую-то интересную штуку, что будто бы галактика — тарелка. В форме лепёшки. Где-то с краю — солнечная система. Если на неё посмотреть так, то будет так. А если эдак... Рисовали что-то...

Мне кажется, не будь этого зачёта, так и не обнаружилось бы непонимание основ. Да и как обычно в школе? Прочёл параграф. Потом парадный ответ у доски.

Ладно. Теперь — как мы отвечали.

На хилую троечку

— Оль, ты отвечала то, что и так знала?

— Нет, то, что мне моя группа объяснила. Но я их вытаскивала на понимание. Не говорила, что вот здесь так-то и так-то. А вытаскивала на то, что нужно.

— Выходит, ты их и обучала. А вообще ты как понимаешь? Мы, взрослые, должны были воспользоваться ситуацией, чтоб они ещё раз что-то поняли? Или нет? Или мы взаправду всё это отвечали? Я помню, что не могла отрешиться от своего учительского образа. Когда я говорила даже явную чушь, то хотела спровоцировать их на понимание, на правильный ответ...

— Нормально, что мы разные. Я чуши не говорила. И когда отвечала — тоже.

— А я обнародовала всю чушь, которую мне наговорили. Правда, произносила её самым ехидным голосом, на какой только была способна. Чтоб в классе не вздумали принять её за правду! (Училка — она и есть училка.) Но всё равно выходит, что меня плохо обучили. На хилую троечку.

Вот так моя группа схлопотала каждый по тройке в дневничок и журнал. Мои «учителя» досадовали на мою нерадивость. Когда прозвучали правильные ответы, они мне пеняли: «Мы ж вам так всё и объясняли! А вы-ы?!..»

Тянем жребий

Вскоре состоялся ещё один зачёт-перевёртыш. Удивительно, как это Владимир Александрович пошёл на такое. Вроде бы нужды у него не было. Многими годами отработанный стиль, образцовые ученические конспекты, дисциплина... Хотя всё же была и у него своя нужда.

Дело в том, что Владимир Александрович — очень хороший, мощный учитель физики, до сих пор работавший только в старших классах. Зная (помня!), какие мучения предстоят моим детям с физикой, когда она у них начнётся, я зазвала Владимира Александровича в свой пятый класс, с тем чтобы он заложил в моих ребят основы всех основных разделов физики, этого труднейшего для понимания школьного предмета. Чтобы заранее сформировал правильно фундаментальные понятия. Получилось что-то вроде пропедевтического курса раз в неделю.

Владимир Александрович долго въезжал в эту работу, мол, не умею с малышнёй. Но потом вошёл во вкус. Хвастался, что в нашем пятом и своих десятых классах объясняет один и тот же материал. Не раз говорил, что в пятом идёт легче: не приходится бороться со штампами, а соображают они подчас лучше. А дав им оптику и электричество, стал утверждать, что мозг пятиклассника принципиально способен воспринимать даже самые сложные физические понятия.

И вот шестой класс. Конечно, Владимиру Александровичу интересно, что осталось у них в головах. Не иллюзии ли он питает? И, конечно, ему хочется, чтобы мы оценили его работу.

Владимир Александрович заранее (за две недели до зачёта) огласил список sacramентальных тем. Тетрадами пользоваться поэтому было нельзя. На зачёт пришли на этот раз только двое из учителей — Сергей Евгеньич Савельев и я (Ольга Петровна позже пришла и наблюдала всю эту картину со стороны). У Савельева, несмотря на музыку, за плечами технический вуз, у меня — довесок к филфаку в виде полутора курсов МИФИ. Так что не совсем чистый лист.

На сей раз все недостатки предыдущего зачёта были учтены. Владимир Александрович разбил ребят на две группы случайным образом. Вытянули бумажки...

Ольга Петровна:

— На самом деле, когда учитель разбивает, это тоже для них случайно.

— Нет, это не одно и то же всё-таки. Жребий — это принципиальный момент. Одно дело — учитель, другое — так карта легла. Попробуй потом в случае неудачи пенять на учителя, мол, это он нас так поделил — работать невозможно...

Твоя моя не понимаю

Так вот, к зачёту. Помню, меня поразило, как много они знают. Мы сидели под лестницей, и мне объясняли параллельное и последовательное соединение проводников. Я это когда-то хорошо знала. Но напрочь забыла. Карта легла так, что мне достались одни слабаки, а Савельеву — сплошные гиганты мысли. Вот они там все передрались: кто будет просвещать Савельеву? В конце концов Никита с Ксюшей, объединившись, остальным не дали и рта раскрыть.

А из моих безгласных принял огонь на себя маленький Паша, о котором Владимир Александрович говорил как о пичужке: серенький такой, ничего не может сказать, ничем себя не проявляет. И тут он так уверенно и толково берётся за дело. Помню, он меня совершенно поразил. Когда поведала о Паше Владимиру Александровичу, это было для него настоящим открытием!

Андрюшка очень суетится: тычет пальцем в листочек, повторяет за Пашкой концы предложений, понимающе кивает головой — в общем, делает вид, что что-то понимает. И то хорошо! Не ведёт партизанскую жизнь, как на остальных уроках физики, а при деле — сохраняет образ!

А я, в свою очередь, делаю вид, что ничего не понимаю. Преследую свои корыстные интересы: хочу, чтоб ещё разок объяснили. А потом ещё раз рассказываю им это параллельное и последовательное соединение проводников, которое сама только что поняла: «Так? Или не так?»

Помучились они со мной! «Ну не понимаю, — говорю, — какой такой ток? Что течёт? Куда? Электрон? Первый раз слышу. Атом? Это ещё что за зверь?..» Я не знаю, почему они кидались мне всё это на полном серьёзе с азартом объяснять. Может, очень правдоподобно притворялась? Может, это сидящая в ребёнке страсть к учительству? А может быть, они подыгрывают? Даже не подыгрывают, а просто — приняли правила игры.

Не подвести бы своих

В отличие от Вадима Фёдоровича Владимир Александрович задавал нам у доски дополнительные вопросы. На глубину понимания, видишь ли. После моей теоретической части он нарисовал на доске электрическую цепь, а мне надо было переставить что-то местами, чтобы лампочка зажглась.

Я стою — ни в зуб ногой (со схемами у меня всегда были нелады). Стыдно. Ведь подведу своих. Владимир Александрович спрашивает, не хочет ли кто-нибудь решить эту схему за меня. И вдруг кто-то из моей группы бежит к доске и хватается мел. Кто же? Тот же самый Пашок. И включает лампочку! Владимир Александрович не верит своим глазам.

Савельев закончил технический вуз. Ему было сложнее изображать искреннее невежество.

Сергей Евгеньевич Савельев:

— На зачёте по географии был непроходимо тупой. Не с Вадимом Фёдоровичем, конечно, а с детьми. Твоя моя не понимай. Как слепому объяснить, что такое небо? Детям приходилось подыскивать слова, которые бы меня убедили. Если мне говорят, что Земля состоит из земной коры, то я не даю договорить, из чего она ещё состоит, а сразу спрашиваю, что такое кора, и так далее. Но это было слишком, на меня обижались. На физике я оставил пародийный жанр. И поэтому простое невежество принималось на веру.

И с отметками на зачёте по физике было всё иначе. Мы как-то достойно с Сергеем Евгеньевичем выступили. Нам поставили что-то хорошее, чуть ли не пятёрки. И тут Владимир Александрович и говорит:

— У вас рука не дрогнет всем одинаковые пятёрки в дневник поставить? Если не дрогнет, то сами и ставьте. А я против уравниловки.

Мы подумали-подумали, и правда, наши учителя разный вклад внесли в наше с Сергеем Евгеньевичем образование. Так что мы и отметки поставили разные: кому «пять», а кому и «три». Пришлось, правда, чистоту образа нарушить. Что ж, на этот раз так.

...А через год у нас объявились последователи...